

ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ

Ольга Давыдик

TRANSFORMATIONS OF THE NATIONAL IN THE CONTEXT
OF REGIONALIZATION AND LOCALIZATION

© Volha Davydzik

Magister in philosophy, researcher

E-mail: volha.davydzik@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2903-8558

Abstract: The article proposes to consider the problem of the erosion and devaluation of the nation as a usurping hierarchical system that sets boundaries in terms of excluding elements that do not fit into the field of national ideology using localization processes, the need to create new institutions and practices for managing economic, political, cultural resources, formalizing individual political consciousness as an independent and active one, capable of updating the local context and its inclusion in the world agenda as an equal and unique phenomenon among others. The article presents the analysis of this decomposition of national as ideological background for unification and selection of elements that play a significant role in the process of consolidation within the borders of national state. Explained how the artistic practices approach the creation and integration the communities into public space to claim and advocate their interests, illustrated the transformational potential of artistic environment for overcoming the historical inertia of society.

Keywords: nation, national, contemporary art, politics of identities, exclusion practice, communities

С момента принятия Вестфальского мирного договора (1648 г.) концепция государственного суверенитета стала важным приоритетом в политическом мироустройстве. В то же время произошедшие

за четыре века изменения в политической, экономической и культурной сферах жизни общества внесли существенные коррективы в интерпретацию этого понятия. Процессу изменений способствовало планомерное увеличение количества национальных государств в мире, которое в середине XX в. резко ускорило (если в 1945 г. национальных государств было 70, то к концу XX в. их стало 193). Столь значительный рост числа национальных государств вызывает ряд теоретических вопросов, требующих своего прояснения в рамках имеющихся моделей государственного устройства. Не является ли эта тенденция результатом существенного изменения места и роли национального в современном мире? Претерпевают ли изменения сами концепты нации и национального государства? Указанные тенденции выступают венцом предыдущей повестки или же указывают на неминуемость грядущих изменений?

Проблемное поле

В связи с тем, что национальное государство стало доминирующей формой государственного устройства в мире, возникает ряд точек напряжения между старой моделью суверенитета и новыми тенденциями в социально-культурном развитии общества. По мере демократизации современное государство все с большим вниманием относится к уязвимым группам, в т. ч. к национальным меньшинствам. Те структуры, которые противопоставляли национальное государство империалистической повестке, перестали соответствовать понятию прогресса, ведь изменились цели государственного функционирования. Внимание к локальным сообществам и забота об уязвимых группах к концу XX в. открыли новое измерение во взаимоотношениях государства, индивида и социальных институтов. В этой связи возник новый диалектический поворот, в рамках которого национальные элементы противления империалистической повестке сами становятся факторами тотальности.

В этом смысле национальное государство в условиях своего доминирования испытывает давление социально-культурных изменений, которые подталкивают научное сообщество к пересмотру концепта национального суверенитета в пользу более гибких форм государственного устройства. Внимание к уязвимым группам, признание прав человека в качестве универсального приоритета, появление таких понятий, как преступление против человечности, сдвигают рамки суверенитета, проникая внутрь понятия суверенной территории и суверенного права, тем самым ограничивая национальные государства во взаимодействии как с собственным населением в целом, так и отдельными его категориями, включая отдельных индивидов.

Тенденция к локализации внутри национальных государств и усложнению политического процесса за счет внимания к потребностям групп и уязвимым слоям населения подталкивает к переосмыслению самого понятия «нация». Переопределения требует тезис о единстве нации на базе языка, культуры, истории и религии, т.к. перечисленные концепты, ранее противостоящие универсализирующей силе империи, сами стали избыточным источником универсализации. В то же время остаются актуальными другие важные элементы национального государства, такие как гражданственность, правовое или социальное государство.

Вместе с тем тенденция к локализации групп остается в рамках парадигмы границ и признания различий, что еще не снижает актуальности национального государства, но существенно видоизменяет его под современные нужды. В рамках представленных тенденций меньшинства уже рассматриваются не только как символическое, но как полноценный элемент функционирования политического и экономического инструментария местного самоуправления, заботящегося о более эффективном удовлетворении потребностей, как местных сообществ, так и отдельных индивидов. «Таковы средства, которые позволяют сделать явление локализма реальностью, вырастить активную гражданственность и обеспечить развитие сервисов, которые в полной мере отвечают потребностям сообщества. Это может стать краеугольным камнем новой системы, в которой управление отдано в руки людей» (Milburn, 2004).

В представленных рамках развития национальных государств наблюдается процесс реорганизации органов управления, которые функционируют в новых условиях смещения центра принятия важнейших решений на наднациональный уровень. Постепенно происходит децентрализация управления и передача права принятия решений на уровень международных организаций, на локальном же уровне усиливаются тенденции локального самоуправления. В этих условиях формируется новое понимание регионального сотрудничества, в то время как процесс регионализации переформатирует старые приоритеты национальных субъектов (New Regionalism theory) (Hettne, Söderbaum, 2000). Такая амбивалентная структура регионализации открывает новые возможности для локальных сообществ, поскольку единицы национальных государств превращаются из объектов международной политики в полноценных субъектов политических, экономических и культурных отношений.

Теоретическая модель

Перспективы существования национального государства остаются повесткой множества современных исследований (Андерсон, Б.

«Воображаемое сообщество» (Андерсон, 2016), Malesevic, S. Identity as Ideology: Understanding Ethnicity and Nationalism (Malesevic, 2006), James P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community (James, 1996), др.). Критика национального государства приобретает особую остроту в области анализа политики идентичностей как стратегии интеграции индивидов в гражданскую общность. Такая критика реализуется на основе интерпретаций общего культурного и исторического наследия, языковой и профессиональной унификации. Фактор глобализации также выступает дополнительным рычагом сомнения, поскольку компрометирует попытки вписать индивида в единую идеологическую систему.

Я. Паточка в книге «Еретические эссе» анализирует вопросы разрывания и актуализации свободы для человека, осуществления «проекта себя» в рамках публичного пространства. В главе «Начало истории» (Паточка, 2008, с. 44) автор говорит о зависимости свободы личности от не/сознательной (само)включенности в историю. Поскольку история начинается с того момента, как индивид начинает активно действовать в пространстве публичного и анализировать усвоенные в процессе социализации смыслы, традиция утрачивает свое сакральное главенство, превращаясь в источник деконструкции. «Может показаться, что подлинное историческое действие и событие действительно требуют ориентации при помощи традиции и повествования, но тогда смысл повествования открывается на основе исторического события, а не наоборот» (Паточка, 2008, с. 51).

Опыт публичного участия автор анализирует в контексте таких понятий, как традиция и нарратив. Традиция хранит в себе прочные смыслы, которые усваиваются в результате «безличного» участия в социальном пространстве, иными словами, индивид принимает участие в традиции непроизвольно. Активное присутствие в публичном пространстве организуется при помощи знакомых, «домашних» смыслов, которые представляются ему само-понятными, само-присутствующими, «вечными». Традиция не имеет определенного авторства, это совокупность общечеловеческих достижений, артефактов. В этом смысле она резонирует с опасностью травмы, поскольку раскрытие источников ее происхождения способно произвести революцию в коллективном сознании. Анонимность традиции позволяет манипулировать ею, вносить коррективы с позиции дискурса власти. Нарратив («повествование»), следовательно, выступает антагонистом традиции, т.к. обладает авторством, а потому может быть разделен на элементы частных действий, субъективных высказываний, манифестаций, мнений и смыслов. В определенной степени нарратив выступает высвеченной частью сокрытых смыслов традиции, выступая трансформирующим механизмом тех или иных ее аспектов. Действие, которое опирается на нарратив, вплетается

в публичность и открывает возможность личного политического участия, которое отчасти вытекает и диктуется способностью индивида к аналитической деятельности. Такая способность становится механизмом освобождения от оков безысходности контекста (традиции), но одновременно подразумевает выбор аналитической оптики (нарратива).

И нарратив, и традиция, согласно Я. Паточке, должны быть интерпретированы исходя из исторического действия (Паточка, 2008, с. 56). Следовательно, субъект в публичном пространстве, соотносясь с позицией Другого и совершая свою репрезентацию, остается укорененным в свою локальность. Таким образом, политическое действие возникает в том случае, когда общее восприятие традиции и нарратива коррелирует с персональной заинтересованностью, как понять Другого, так и быть понятым самому. Обретение себя на стыке «потребленного» социального контекста и «порожденной» личной истории открывает путь к постижению другого. Формируется механика очеловечивания Другого, функционирующая через создание сообществ, путем солидаризации множеств восприятия социальной нормы. Таким образом, эта механика не разрушает «человеческое в человеке» и не нарушает границы конвенциональных смыслов.

Понятие национального самосознания отсылает к некой предзаданности, универсальности, сакральной нерушимости ядра коллективных смыслов, сформировавших уникальный облик этнокультурной целостности национального единства. Поскольку революционная смена такой предзаданности ведет к расколу и распаду всей системы, отмеченное ядро невозможно видоизменить или подвергнуть инновационному преобразованию. В этом свете процесс трансформации может затрагивать лишь внешние структуры, оставляя нетронутыми базовые ценности и понятия, сохраняя, таким образом, их внеисторический характер, т. е. традицию.

Представленная абсолютизация национального ядра, обретшая теоретическое воплощение в немецком романтизме, привела к подрыву империалистических ценностей как парадигмы политической и культурно-исторической унификации. Концепт национального образовал пространство для реализации геополитического сдвига в мировом развитии, сформировав ценность самоопределения, из которого впоследствии образовался мультикультурализм как идеология XX в. Однако в последующем национальное государство само трансформировалось в инструмент внутренней унификации, расписываясь в собственной неспособности эффективно взаимодействовать с этнокультурным, религиозным, политическим многообразием. Данная повестка усугубляется также за счет рыночных отношений и логики капитала, интенсифицируя тренд на прекарность, подчиненность, ресурсность. Производственный капитализм вошел в новую фазу

своей мутации, превратившись из пары «капитал-труд» в «капитал-жизнь». Новыми объектами рынка на современном этапе развития стали сама жизнь, здоровье, образы жизни, сексуальность, досуг, образование, коммуникация, среды обитания, производство воображаемого и проч. Таким образом, новая фаза капитализма характеризуется тем, что связана с когнитивным накоплением и напряжением.

Процесс сращения научного и социального, экономического и жизненного пространств, абсолютизация понятия эффективного менеджмента, применяемого во всех сферах, их сопроизводство являются символом новой фазы развития капитализма и продолжают логику империи, отделяя финансовые и культурные центры от сателлитов и ресурсов, вплоть до того, что культурная уникальность, особенности жизненного пространства малых групп становятся тем же самым товаром, приносящим прибыль элитам, оставляя носителей культурных особенностей в статусе подопечных, а национальное государство зачастую превращается в автоколонизатора, который либо сам участвует в процессе капиталистического обмена, либо неспособен включить уязвимые группы в систему равного распределения социальных благ.

Практическое воплощение теоретических моделей в искусстве

Описанные тенденции находят свое отражение во множестве практик конструирования и анализа социальной реальности, в т. ч. в современном искусстве, которое выступает одним из инструментов деконструкции политических и социальных явлений современных и постмодерных обществ. Оформившись в качестве средства эмансипации, преодоления иерархии и насилия власти и капитала, contemporary art содержит в себе необходимую критическую составляющую, способную производить ревизию и анализ феноменов, выводить на поверхность скрытые элементы и сопоставлять факты и значения, которые ускользают из поля зрения классической исследовательской оптики. Современное искусство аккумулировало такой аналитический и исследовательский инструментарий (набор визуальных и интерпретативных средств), который позволяет (вос)произвести, казалось бы, разрозненные в пространстве и времени фрагменты в качестве составных элементов единой композиции.

В целом политический контекст и политическая критика являются достаточно общим местом для современного искусства. Деконструкция тотальных идей классической эпохи, поиск оснований для создания сообществ и признание притязаний на самостоятельное существование в символическом пространстве уязвимых групп, сопротивление насилию и власти иерархий,

колоний, патриархов, отражение актуальных социальных проблем – все это составляет повестку современного искусства.

Прошедшая в 2017 году экспозиция «Документа 14» (г. Кассель, ФРГ, 08.04.2017–16.07.2017) под общим девизом «Учиться у Афин» ставила себе задачу критики (пост)колониализма, нации как сверхидеи и сверхзадачи политических элит. Критика национального государства в качестве инструмента селекции, установления границ, нормирования и унификации субъектов в строго очерченных пределах становится лейтмотивом множества проектов. В их числе Музей Солидарности в Гданьске, Музей Бротарса (Buchloh, 1987) в качестве критического проекта колониализма и институционализма и др. В первую очередь, критическая позиция связана с невидимостью тех фигурантов, которые не вписываются в представление метрополии о «национальном», «универсальном», в практику установления порядка.

Представленные в рамках «Документа 14» работы Тео Ешету (Theo Eshetu) и Хвая Самнанга (Khvay Samnang) обращаются к этническим культурам, которые, будучи помещенными в контекст европейских музеев, являют критику колониального мышления и демонстрируют, в какой резкий диссонанс вступают эти культурные паттерны со средой, пытавшейся обременить их чужеродной символической тканью¹. К примеру, видео Тео Ешету «Возвращение Аксумского Обелиска» (The Return of the Axum Obelisk, 2009) описывает процесс его репатриации из Рима в Эфиопию в качестве реституции за понесенные утраты, как военные, так и культурные. Возвращение обелиска означало и восстановление исторической справедливости для региона, утратившего одну из ключевых святынь, а также инвестицию в будущее местных сообществ, которые обрели возможность наконец самим получить выгоду и стать видимыми для мирового рынка².

Также исследовательские проекты Рензо Мартенса (Renzo Martens) являют собой пример работы на стыке социальных полей экономики, экологии, социальной философии и современного искусства с целью осуществления критики колониализма и постколониализма и создания условий, при которых будет возвращена историческая справедливость в те регионы, которые были наиболее истощены политикой джентрификации. Его проекты, такие как «Наслаждайтесь бедностью» (Nielsen, 2009), «Репатриация белого куба», «Постплантация»³ (Zuckerman, 2019), анализируют

1 Материалы из выставочного проекта Documenta'14. Доступ по: <https://www.documenta14.de/en/artists/13572/theo-eshetu>. Дата доступа: 23.11.2020.

2 Theo, Eshetu. *The Return of the Axum Obelisk*. Доступ по: http://www.randian-online.com/np_announcement/theo-eshetu%EF%BC%9Athe-return-of-the-axum-obelisk/. Дата доступа: 26.11.2020.

3 Материалы с сайта Lusanga International Research Centre for Art and Economic Inequality (LIRCAEI). Доступ по: <http://www.lircaeai.art/>.

экономическую ситуацию в Демократической Республике Конго с точки зрения региона-донора не только материальных ресурсов, но также символического капитала – современного искусства. Проекты Р. Мартенса подчеркивают идею, что гуманитарная миссия Европы и Америки, направленная на помощь бедным регионам, так или иначе осуществляет капиталистическое вложение только в свои «новые империи» (Нью-Йорк, Париж, Лондон), тогда как «колонии» остаются в прежнем положении. Репатриация Белого Куба (музея, галереи) означает возвращение фокуса внимания в Конго – место, которое нуждается в экономическом росте и инвестициях, но вместе с тем оно также нуждается в сохранении собственной уникальности. Таким образом, репатриация означает процесс деколонизации, возврата ресурсов и потенциала будущего, противодействие прекарному статусу не только в рамках проектов Р. Мартенса, но и в качестве универсального принципа в перспективах всего человечества.

Работники плантаций, с которыми взаимодействует художник, создают объекты из природных материалов и фотографии, сюжеты которых направлены на осмысление колониального прошлого и его последствий для населения Африки, и Конго в частности. Насилие, бедность, эксплуатация, насаждение инородной культуры и религии и уничтожение собственной культурной и религиозной уникальности, превращение местного сообщества в источник и ресурс, сначала экономический, а затем символический, – все это остается в фокусе внимания. Совершая физический переход из империй в сторону угнетенных, перенося все необходимые инструменты в локации, которые всегда считались периферией гегемона, Мартенс рассчитывал получить как символические, так и экономические эффекты, вернуть возможность угнетенным говорить самостоятельно, своим языком и выражать собственную боль и травму через собственное видение. Таким образом, была предпринята попытка восстановить справедливый порядок вещей и превратить регион-ресурс в полноценный политический субъект символического обмена.

Дискуссионные вопросы

За время возвышения национальных государств социальная реальность многократно усложнилась. Возникло множество новых форм идентичности, в то время как идеологическая надстройка, описывающая ценностно-культурное их соотношение, во многом осталась неизменной. Как отмечалось выше, современные тренды глобальной политической повестки основаны на локализации, и в этой связи модернистское понимание национального государства все больше соответствует тем характеристикам, которые ранее применялись к понятиям империи или мирового гегемона.

Во многом это связано с переосмыслением концепции взаимодействия между локальными группами внутри государства. В этой связи формируется такая ситуация, при которой недостаточно конвенционального признания равенства исторического вклада каждой группы в создании государственного образования, но требуются новые подходы к символизации общественных связей внутри государства.

В рамках рассмотренной логики смены государственных парадигм возникает ряд ключевых вопросов, связанных с контекстом понимания таких концептов, как нация, публичность, традиция и социализация. Проектируя личную свободу, индивид сталкивается с необходимостью преодоления идеологической объективации себя. Тот образ, которой приобретает в ходе социализации в национальном обществе и состоит из «домашних» смыслов, утрачивает свое функциональное значение, исчезая в практике повседневного взаимодействия на локальном уровне. Возникшая в этот момент критика национального исходит не из пренебрежения культурно-историческим и языковым контекстами, но состоит в последовательной деконструкции модернистской идеологической системы, в которой произошла утрата личностных смыслов. В конечном счете речь идет не о вытеснении нормативных структур общего пространства коммуникации, но о сопротивлении уничтожению индивида, превращению его из субъекта, наделенного правами, в статистическую единицу и предмет политической манипуляции.

Поскольку национальное обретается за счет общности 1) языка и культурно-исторического контекста, 2) принципов политической жизни, это понятие выступает синонимом метасистемы общества, точкой коллективного воплощения политических нужд государства в отдельно взятом индивиде. Можно сказать, что

«...всякая идеология предполагает установление единства между разнородным. Ответ на вопрос, почему “мы” (все равно кто именно: класс, нация, вероисповедание) должны быть вместе – должны осознавать себя в качестве некоего единства и быть способны – и иметь волю к единому действию. Собственно говоря, почему “мы” – это мы» (Тесля, Повилайтис, 2018).

В этом свете формируется запрос на иной способ реализации политического участия, способного обеспечить объединение как сообщества, так и индивидов в нем. Исходя из определения национального самосознания в качестве совокупности представлений, традиций, ценностей, которые позволяют причислять индивидов к коллективной общности, следует отметить, что именно сама идеология общности выступает точкой образовавшегося напряжения. В связи с тем, что теоретические модели социализации в течение последних двух столетий претерпели ряд трансформаций

(возвысился глобальный контекст, произошло размывание национальных границ, появились популярные, международные культуры), представляется неизбежным переосмысление понятия социального (будь то репрезентация выставочных проектов из стран-сателлитов или участие в стратегической повестке наднациональных объединений). Такое переосмысление способно привести к дальнейшим социально-культурным трансформациям, итогом которых станет переизобретение опыта нации.

В связи с изложенным для философского анализа остается необходимой дальнейшая работа над пониманием того, отвечает ли концепт нации реалиям современности? Соответствует ли политическим, идеологическим и экономическим приоритетам сегодняшнего дня? Еще более насущный вопрос: какой статус имеет субъект в современном обществе? Какая его роль и статус в производстве национального? Возможно, политическое, понятое в качестве системы управления, контроля, распределения и идеологической надстройки, выступает единственным ядром консолидации общества, и, соответственно, национальное является избыточным элементом в процессе построения устойчивости современного государства.

На основе всего изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, трансформируется характер социальных исследований: фокус смещается от анализа наций и национального самосознания в качестве идеологического конструкта к теории сообществ, их эмансипаторного потенциала, способности к самоопределению и продвижению интересов в первую очередь уязвимых групп. Одну из значимых ролей в этом исследовательском поле играют теория и практика современного искусства как инструмента критического осмысления изменяющейся, нестабильной реальности, чьи методы и выразительные средства позволяют производить анализ на микроуровне, применяя локальный масштаб, а также осуществлять социальную критику, находясь на междисциплинарном и методологическом стыке.

Во-вторых, отказ от метанарратива в пользу локальной истории высвобождает из-под гнета иерархии ценностей и конструктов, напоминающих о всеобщности интересов, и способствует переходу к горизонтальному взаимодействию и коммуникации на равных, вне властных иерархий. Обращение к таким чувствительным темам, как насилие (его легитимация в рамках национальной системы, воспроизводство в различных дискурсивных практиках, встроенность в иерархические системы), равенство, права иммигрантов, беженцев, религиозных сообществ, улучшение качества жизни в локальных регионах и прочее, позволяет произвести пересборку социальной реальности с учетом многообразия интересов, личной истории, вписанной в локальное пространство. Современное искусство выполняет, кроме прочего, несколько

важных функций: «склейки» фрагментов истории; заполнения пустот, образовавшихся в процессе ретроградной идеологии, неспособной к включению в свое поле новых элементов; локализации мировой художественной практики и интеграции в культурную среду новых идей, способствующих трансформации общества.

В-третьих, создаются проекты и теории, в рамках которых осуществляется девальвация тотальных дискурсов и адвокатируются необходимость обращения к субъекту в его локальном жизненном пространстве, его право на формирование политического жеста и требования, которые необходимы в процессе преодоления инерции общества, его разобщенности и безразличия к собственной жизни, сформированные вследствие бесконечного количества разломов символического и попыток его склейки.

Литература

- Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле, 416 с.
- Материалы с сайта Lusanga International Research Centre for Art and Economic Inequality (LIRCAEI). The Repatriation of the White Cube. Доступ по: <http://www.lircaei.art/> [Просмотрено 10 июня 2019].
- Паточка, Я. (2008) *Еретические эссе по истории философии*. Минск: Логвинов. 204 с.
- Тесля, А., Повилайтис, В. (2018) *Неактуальность идеологии*. Доступ по: <http://gefter.ru/archive/25288> [Просмотрено 3 июня 2019].
- Шпарага, О.Н. (2013) Версии сообщества: от идентичности к бытию-вместе. Тонос, № 2, с. 30–41.
- Buchloh, B. (1987) *Broodthaers Writings, Interviews, Photographs*. Cambridge: An October Book MIT Press. 210 p.
- Hettne, B. Söderbaum, F. (2000) Theorising the rise of regions. *New Political Economy*, Vol 5, no. 3, pp. 457–472.
- James, P. (1996) *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. U.K.: Sage. 256 p.
- Malesevic, S. (2006) *Identity as Ideology: Understanding Ethnicity and Nationalism*. New York: Palgrave Macmillan, 300 p.
- Nielsen, N. (2009) *Enjoy the poverty*. Available from: <https://foreignpolicyblogs.com/2009/05/11/enjoy-poverty/> [Accessed 12 June 2019].
- Zuckerman, J.C. (2019) *Post-Plantation*. Available from: <https://www.nationalgeographic.com/culture/> [Accessed 12 August 2020].

References

- Anderson B. (2016) *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. M.: Kuchkovo pole, 416 p.
- Materials from the website Lusanga International Research Centre for Art and Economic Inequality (LIRCAEI). The Repatriation of the White Cube. Available from: <http://www.lircaei.art/> [Accessed 10 June 2019].

- Patochka, YA. (2008) *Yereticheskiye esse po istorii filosofii* [Heretical Essays on the History of Philosophy]. Minsk: Logvinov. 204 p.
- Teslya, A., Povilaytis, V. (2018) *Neaktual'nost' ideologii* [Non-actuality of Ideology]. Available from: <http://gefter.ru/archive/25288> [Accessed 3 June 2019].
- Shparaga, O.N. (2013) *Versii soobshchestva: ot identichnosti k bytiyu-vmeste* [Versions of Community: from Identity to Being-Together]. *Topos*, no. 2, pp. 30–41.
- Buchloh, B. (1987) *Broodthaers Writings, Interviews, Photographs*. Cambridge: An October Book MIT Press. 210 p.
- Hettne, B. Söderbaum, F. (2000) Theorising the rise of regions. *New Political Economy*, Vol 5, no. 3 (December). Pp. 457–472.
- James, P. (1996) *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. U.K.: Sage. 256 p.
- Malesevic, S. (2006) *Identity as Ideology: Understanding Ethnicity and Nationalism*. New York: Palgrave Macmillan. 300 p.
- Nielsen, N. (2009) *Enjoy the poverty*. Available from: <https://foreignpolicyblogs.com/2009/05/11/enjoy-poverty/> [Accessed 12 June 2019].
- Zuckerman, J.C. (2019) *Post-Plantation*. Available from: <https://www.national-geographic.com/culture/> [Accessed 12 August 2020].